

УДК 316. 01: 316. 47: 316. 3

ОЛЕГ ДЕМКИВ,

кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко

Социальный капитал украинского общества: сильные и слабые капиталогенерирующие структуры

Аннотация

В статье рассматриваются возможности адаптации теории социального капитала к условиям современного украинского общества. Обосновывается целесообразность введения в анализ социального капитала украинского общества дополнительных понятий: “государственный монополизм”, “рентоориентированные социальные сети”, “слабые и сильные капиталогенерирующие структуры”.

Ключевые слова: *социальный капитал, государственный монополизм, рентоориентированные социальные сети, капиталогенерирующие структуры*

В течение лет, прошедших со времени распада СССР, в отечественном социогуманитарном дискурсе укоренились объяснительные схемы, в которых целью желаемых социально-политических трансформаций признавалось гражданское общество, а одним из средств достижения этой цели, наряду с построением “правового государства”, — “развитие социального капитала”. Сложная траектория социально-политического развития постсоветских обществ, по которой на смену относительной демократизации и децентрализации пришли реверсивные процессы, вносит коррективы в научный дискурс. Итак, назрели социальные предпосылки для изменения парадигмы исследования постсоветских социально-политических реалий.

Сегодня все более четкими становятся очертания постсоветских обществ с их дефективными “фасадными” демократиями, неконкурентными рынками, фетишизацией государственного аппарата, макиавеллиевскими элитами и апатическим массовым сознанием, поэтому представляется, что более адекватными для их описания будут уже не категории “изменения”,

“трансформации”, “перехода”, а категории “устойчивости”, “ригидности”, “преемственности”. *Перед исследователями стоит вопрос, каким образом социальный капитал не только функционирует в таких условиях, но и обуславливает воспроизводство других (в частности, упомянутых выше) свойств социальной системы.*

В западном научном дискурсе социальный капитал воспринимался прежде всего, хотя и не только, в качестве позитивного отношенческого ресурса, коренящегося в структурах массового сознания (ценности и доверие) и в структурах организованного и устойчивого (межиндивидуального, межгруппового, межинституционального) взаимодействия (социальные сети). Соответственно, описание дисфункциональных или нежелательных социальных явлений с применением этого концепта представлялось проблематичным, если вообще возможным. Это концептуальное ограничение было снято, в частности, благодаря работам таких авторов, как А.Портес, П.Ландолт и др. [Portes, Landolt, 1996; Lampe, 2003; 2009; Morselli, 2003].

Подвести итог наработкам исследователей “теневого” или “негативно-го” социального капитала можно следующим образом: *капиталогенерирующие структуры* являются нейтральными вне контекста и приобретают свое значение (функциональное либо дисфункциональное, желательное либо нежелательное) только *в контексте*. К примеру, этническое предпринимательство и этническая преступность базируются на подобных капиталогенерирующих структурах, но последствия действия данных структур в этих двух случаях различны: в первом случае возможна ситуация, когда “выигрывают все”, а во втором — обязательно есть “проигравшая” сторона — жертва преступной деятельности.

Указанная перспектива не была доминирующей ни среди отечественных, ни среди западных исследователей социального капитала постсоветских обществ, хотя такие исследователи, как К.Доули и Б.Сильвер [Dowley, Silver, 2002], а также М.Оберг и М.Сандберг [Eberg, Sandberg, 2003], указывали на проблемные капиталогенерирующие структуры, фокусируя внимание на вопросах моно- и полиэтничности как предпосылках развития демократии и социального капитала. Отечественные исследователи социального капитала, напротив, обращали внимание прежде всего на структуры, генерирующие позитивные социальные последствия, и прежде всего на “третий сектор” [Бова, 2003; Михайловська, 2010; Степаненко, 2004; и др.]. Такой фокус интересов, к сожалению, не принес ожидаемых результатов ни в смысле объяснения текущего состояния социума, ни в смысле обоснования прогнозов его динамики. Систематическая фиксация членства в общественных организациях посредством мониторинга Института социологии НАНУ не обеспечила доказательств постоянной взаимосвязи этого показателя с “каноническим” перечнем переменных из теории социального капитала [Резнік, 2009]. Показатели членства в общественных объединениях и политических партиях за период наблюдений колебались несущественно, в основном в рамках погрешности (за исключением незначительного оживления в 2006 году), и, во-вторых, не было зафиксировано значимых взаимосвязей между членством в общественных организациях и важными, с точки зрения теории социального капитала, социальными установками (такими, как генерализованное доверие или доверие к соседям).

Такие малоинформативные, казалось бы, данные важны для адаптации теории социального капитала к украинским условиям и недвусмысленно

свидетельствуют: *третий сектор в украинском обществе является слабой капиталогенерирующей структурой*. Многочисленные причины слабости третьего сектора украинского общества не являются предметом данного исследования, поэтому сосредоточусь на том, каковы его сильные капиталогенерирующие структуры.

И прежде чем приступить к выполнению центральной задачи данной статьи, кратко представлю ту сумму концептуальных построений, которую не вполне оправданно называют теорией социального капитала. Центральный для теоретизаций термин (социальный капитал) интерпретируется по-разному, создавая основу для трех относительно автономных разделов этой “теории”: микроуровневую, мезоуровневую и макроуровневую интерпретации. На микроуровне под социальным капиталом подразумевают ресурсы, которыми (реально или потенциально) обладает индивид, включенный в устойчивую систему социальных отношений (социальную сеть). “Объем” социального капитала прямо зависит от характеристик состава личностной социальной сети: если члены личностной социальной сети обладают высокими статусами и доступом к ценным ресурсам (политическим, административным, символическим, информационным, финансовым и др.), это будет положительно влиять на индивидуальный социальный капитал индивидов, включенных в социальную сеть, на их субъективное и объективное благосостояние.

Насыщенность социальной сети носителями престижных статусов, исполнителями важных социальных ролей, обладателями больших по объему разного рода ресурсов — все это наряду с величиной и гетерогенностью социальной сети составляет благоприятные для индивидуального социального благосостояния членов сети характеристики. И наоборот, отсутствие в личностной сети носителей ценных ресурсов, ее гомогенность и сосредоточенность в ограниченном социальном (поселенческом, демографическом, этнокультурном, профессиональном) ареале свидетельствуют о сетевой бедности¹. На мезоуровне социальный капитал интерпретируется как ресурс, принадлежащий не только отдельным индивидам, но и социальной группе. Постоянные социальные связи создают дополнительные коммуникационные каналы, в которых генерируются ценные отношенческие ресурсы.

На макроуровне — и эта интерпретация в наибольшей мере попадает в поле зрения политической науки и публицистики — социальный капитал интерпретируется как “собственность” социума в целом. Социальные сети, являющиеся структурной основой этого, макроуровневого, социального капитала, структурируют публичное пространство общества, повышают эффективность общественного контроля за деятельностью государственных организаций, берут на себя отдельные функции государственных органов (например, в сфере социальной защиты), способствуют распространению социаль-

---

¹ Если социальная сеть первого типа не только способствует членам сети в поддержании постоянного уровня благосостояния, но и позволяет им продвигаться в карьерном, статусном измерениях благодаря доступу к ценным ресурсам (например, информации о вакансиях на рынке труда), а также позволяет получить содействие (в форме рекомендации или протекции) от влиятельных членов сети, то социальная сеть второго типа может быть эффективной лишь в поддержании постоянного уровня социального благосостояния, например, через отношения социальной поддержки между домохозяйствами со схожим уровнем социального благополучия.

но-полезных ценностей, артикулируют и согласовывают интересы социальных групп, распространяя образцы социально активного поведения, генерализованное доверие, и таким образом легитимируют, контролируют и совершенствуют деятельность политических и административных институтов. В этом смысле социальный капитал — достояние, ресурс общества в целом¹.

Три рассмотренных интерпретации ни в коем случае не исключают друг друга. В то же время их сосуществование приводит к определенной терминологической путанице. Безусловно, в рамках трех интерпретаций описываются разные по содержанию социальные явления, но существует ли между этими явлениями системная (а не случайная) связь? Являются ли они взаимообусловленными? Более того, *можем ли мы говорить об эмерджентности социального капитала макроуровня, то есть о формировании релевантных к макроуровневой проблематике (к проблематике демократии, институциональной эффективности и гражданского общества) явлений на базовом уровне социальной структуры, на уровне личностных социальных сетей?*

Такая взаимосвязь основана на устойчивых, структурно и социокультурно воспроизводимых паттернах (шаблонах) создания личностных социальных сетей (англ. — *networking*). Наиболее существенными характеристиками личностных социальных сетей, переменными, которые задают конфигурацию эмерджентных структур макроуровня, являются степень гомоили гетерогенности личностных социальных сетей, инклюзивности или эксклюзивности (как принципов создания этих сетей), универсальности или партикулярности (как характеристик воссоздаваемых в сетях ценностей), горизонтальности или вертикальности (как паттернов оборота важных ресурсов и властного влияния)². Причем эти характеристики личностных социальных сетей относительно ригидны к внешним влияниям и более устойчивы, нежели такие сложные институциональные социально-экономические и социально-политические конструкции, как конституционализм, парламентаризм, свободный рынок или, например, ипотека. Эти конструкции гораздо более чувствительны к текущим социально-политическим и социально-экономическим сдвигам, чем такие “простые” образования, как личностные социальные сети. Эти “простые структуры” достаточно устойчивы к внешним влияниям и изменениям, чтобы гарантировать воспроизводство социума даже после тяжелейшего коллапса “сложных структур”.

---

¹ Эта интерпретация социального капитала является не только результатом научного наблюдения за закономерностями развития западных обществ с постоянными демократиями, но и неким императивом, “манифестом” — указанием на нормальный, здоровый образ социально-политической организации и, соответственно, на дефективные отклонения от него. Именно этот “этаж” концептуального построения теории социального капитала — как наиболее ценностно и контекстуально детерминированный — требует реконцептуализации и приспособления к отечественным условиям.

² Так, преобладание в обществе личностных социальных сетей, которые являются закрытыми для представителей определенных этнических, конфессионных, расовых или языковых групп, эксклюзивными, дискриминационными в отношении их, будет негативно влиять на общесоциальную интеграцию и солидарность, будет генерировать недоверие и конфликтные групповые деления. С этой точки зрения, например, показатель доли межэтнических браков служит свидетельством степени партикулярности или универсальности личностных социальных сетей.

Поскольку структура личностных социальных сетей определяется вариативностью (но не случайностью), наряду с ценностным, нормативным, институциональным профилем обществ имеет смысл говорить также о *сетевом профиле общества*: социально обусловленных закономерностях создания и функционирования социальных сетей в конкретном обществе. На фоне общей маргинальности этой проблематики в социологическом дискурсе отдельные локальные образцы сетевых профилей проанализированы довольно основательно¹.

Рассмотрение специфических черт сетевого профиля украинского общества в процессе поиска сильных капиталогенерирующих структур неизбежно фокусирует внимание исследователя на “главном капиталисте в обществе”. Согласно П.Бурдьё, государство является важнейшим институтом, определяющим, так сказать, “курс обмена” разных капиталов, устанавливающим постоянные механизмы их конвертации².

Истоки подобной интерпретации можно найти у одного из оригинальных теоретиков гражданского общества — А.Грамши. В своих “Тюремных заметках” автор отмечал, что социальные системы можно аналитически разграничить на две составляющие: “политическое общество” (на этой “арене” действуют политические институты) и “гражданское общество” (негосударственная, частная сфера, относительно автономная от экономики и политики). В первой сфере доминируют конкуренция и принуждение, во второй — сотрудничество и согласие; первая структурирована преимущественно иерархично, а вторая — преимущественно горизонтально. Соответственно, систему современного капитализма стабилизируют, во-первых, механизмы политического, административного и репрессивного характера, сосредоточенные в государственных структурах, во-вторых, механизмы, продуцирующие широкий социальный консенсус, сосредоточенные во внесоциальной сфере. Государство как система политических, административных и репрессивных институтов — это всего лишь передовая линия обороны социального порядка. Центральным же механизмом поддержания стабильности системы является гражданское общество. В той или иной (зачаточной или развитой) форме гражданское общество существует в каждой социальной системе и везде имеет специфику, заданную первой составляющей — государством, в узком смысле этого понятия. Таким образом, гражданское общество, по мнению Грамши, — это не императив (не “указатель” пути в либерально-демократическое и свободнорыночное будущее), а констатация — фактические легитимационные структуры, стабилизирующие социум, представляющие собой опору едва ли не каждого политического режима [Грамши, 1991].

¹ Широкоизвестны исследования сетевой составляющей итальянского (особенно южноитальянского) общества [Gambetta, 2000; Патнам, 2001], китайского [Dunfee, 2001; Fan, 2002; Gold, 2002] и юго-восточноазиатских обществ [Jomo, 1997; Ravenhill, 1997].

² П.Бурдьё по этому поводу отмечал: “Государство является кульминацией процесса концентрации разных типов капитала: капитала физической силы ... (армия, полиция), экономического капитала, культурного или ... информационного капитала и символического капитала... [и] ведет к образованию ... государственного капитала..., что позволяет государству применять власть в разных полях...”, а также определять то, как происходит взаимная конвертация капиталов, или, используя экономическую терминологию, устанавливать “курс” обмена этих капиталов [Bourdieu, 1998].

Безусловно, дискурс по поводу гражданского общества и социального капитала поляризован: там, где этатиста и коммуниста Грамши интересовало то, как гражданское общество поддерживает и стабилизирует политическую систему в целом и государство в частности, сторонников либерально-демократической интерпретации интересует то, как гражданское общество контролирует государство, образует ему противовес, способствует подотчетности и прозрачности политической и управленческой деятельности.

До сих пор в исследованиях социального капитала украинского общества полностью доминировал второй подход. Однако особенности украинского социума, его государственноцентричность являются основанием высокой релевантности первой из объяснительных моделей. В условиях постсоветского развития, когда система государственного социализма с тотальным доминированием государства во всех сферах социального видоизменилась, но окончательно не стала достоянием прошлого, подобная государственноцентричность процессов генерации и конвертации капиталов является особенно важной чертой¹.

Целостная интерпретация любого социального явления предполагает анализ его конституирования, его социогенезиса. В 2004 году в статье “Гражданин, а где у вас здесь гражданское общество?” российский социолог О.Левинсон отмечал: “Период “классической”... советской власти — это период массовых репрессий против индивидов, классов, сословий, этнических и социальных групп... Но также и против определенных социальных структур, то есть против самих форм объединения и взаимодействия людей. Тогда был осуществлен успешный (и все еще так живем) эксперимент по удалению существенного структурного компонента общества, а именно — организаций, являющихся частью гражданского общества, которое опосредует отношения гражданина и государства... На протяжении почти десятилетия искореняли форму социальности в целом. Особый социальный (не классовый!) инстинкт, подобный социальной ревности, порождал ненависть к любым организациям... Особая социальная фобия — страх перед организациями — охватила карательные органы. Если люди хоть чем-то объединены — они непременно имеют злые намерения по отношению к государству. Объяснение через “социальную ревность” заключается в том, что созданные победителями организации, такие как партия и ее “вооруженный отряд”, казались им самым сильным их оружием. Но сильным только в условиях *монополии* (курс мой. — *О.Д.*) на подобную социальную форму” [Левинсон, 2004]. Автор очертил одну из центральных проблем создания социального капитала в постсоветских обществах, а заодно и их особенность, которой не учитывают в своих теоретических построениях выдающиеся популяризаторы теории социального капитала.

---

¹ В отечественном социогуманитарном дискурсе тема чрезмерной этатизированности существует достаточно давно, причем вызывает интерес не только у академических ученых, но и у авторов, прямо причастных к политической и управленческой деятельности. Так, в коллективном исследовании с участием бывшего министра образования В.Кременя читаем: “Триста лет существования сначала в составе полицейско-феодальной империи, а потом коммунистической породили крайне этатизированное общество, не расположенное возлагать решение своих проблем на негосударственные демократические институты” [Кремень, 1996], а в статье действующего председателя Центральной избирательной комиссии В.Шаповала отмечается: “Чрезмерная правовая регуляция характеризует хорошо известное нам огосударственное, этатизированное общество” [Шаповал, 2008].

Согласно макроуровневой интерпретации, структуры, генерирующие социальный капитал, локализуются в относительно автономных от государства сферах социума. Когда такого автономного пространства нет, структуры, генерирующие социальный капитал, образуются, во-первых, на основе неформальных социальных сетей и, во-вторых, на основе социальных сетей, имеющих в формальных организациях, созданных и контролируемых государством.

Государственный монополизм является крайним проявлением этатизации социальных систем, укоренения исключительно приоритетного влияния государственных органов и учреждений на регулирование всех сфер социального¹. Социальной проекцией, показателем и одновременно возможным фактором этатизации оказывается наличие патерналистских социальных ориентаций в массовом сознании. Государственный монополизм четче всего манифестовался в экономико-производственной сфере (в советский период в форме государственного социализма, а в постсоветский — в форме государственно-корпоративного капитализма). Однако было бы ошибкой полагать, что это явление локализуется сугубо в экономико-производственной сфере.

Наиболее яркие примеры государственного монополизма в современном украинском обществе проявляются в экономической и политической сферах. Так, в 2011 году Украина заняла 164 место среди 179 стран мира по уровню экономических свобод. Среди европейских стран Украина в данное время стала последней (потеряв два места в рейтинге по сравнению с предыдущим годом и 12 мест по сравнению с 2009 годом) [Україна опустилася, 2011]. По состоянию на прошлый год Украина находилась на 10-м месте в мире по показателю призонизации (то есть количества заключенных на 100 тысяч населения) [Україна заняла 10 місце, 2011]. Украинские суды экстремально редко по сравнению с судами других европейских стран выносят решения о невинности подсудимых, а сами подсудимые содержатся под стражей в украинских СИЗО в гораздо худших бытовых условиях, чем условия, в которых отбывают наказание те, чья вина признана судом. Украинские граждане, пожалуй, наиболее часто обращаются в Европейский суд по защите прав человека, а нарушителем в этих делах являются государственные органы, прежде всего суды². Свидетельством процессов усиления государственного монополизма в политической сфере является негативная

---

¹ Целесообразно говорить о степени этатизированности социальных систем и соответствующем диапазоне конкретных проявлений государственного монополизма, поскольку конкретное содержание социальных систем государственного монополизма вариативно. Например, для Советского Союза был характерен государственный монополизм и во времена И. Сталина, и во времена Л. Брежнева, однако по содержанию социальных процессов эти периоды существенно различались и различался государственный монополизм двух эпох не только, скажем так, в количественном смысле.

² Украина заняла 3-е место среди стран Совета Европы по количеству решений Европейского суда по правам человека, вынесенных по обращениям против нее в 2011 году (первое и второе места принадлежат Турции и Российской Федерации). По данным суда, в Украине чаще всего нарушается право на честный суд, на защиту собственности, на эффективную правовую защиту, на рассмотрение дела в разумный срок, а также право на свободу и безопасность. Напомню, в упомянутый суд имеют возможность обращаться граждане, которые считают, что их права нарушены действиями государственных органов, и не получившие должной защиты на национальном уровне.

динамика Украины в рейтинге демократического развития, который составляет организация Freedom House. Уже в который раз (три года подряд) эксперты влиятельной международной организации Freedom House заявили об ухудшении состояния дел в сфере свободы слова и демократии, направив “стрелы критики” в сторону украинских властей [Freedom House, 2012]. А вот по количеству налогов, выплачиваемых в различных странах мира, по итогам 2011 года Украина заняла первое в мире место, притом, что эксперты постоянно фиксируют увеличение расходов госбюджета Украины на содержание государственных органов [Світовий банк, 2012]. Аналогичный результат Украины и в ранжировании стран по времени, которое необходимо потратить предпринимателю для общения с контролирующими органами власти. Все эти, казалось бы, не связанные между собой примеры в действительности указывают на особенности функционирования политических и административных институтов (англ. — institutional performance) и на направление динамики институциональной системы.

Многочисленными оказываются проявления государственного монополизма в неожиданных, казалось бы, сферах социального: в частности, в сфере образовательной и даже нравственной политики. Крайне централизованная, забюрократизированная, государствоцентрическая система проявляется в сфере науки (например, в том, что касается государственной сертификации научных достижений) и образования (например, в том, что касается процедуры аккредитации специальностей или государственного заказа на подготовку специалистов). Показательным свидетельством крайне высокой степени государственного монополизма в сфере образования в Украине служит следующий пример: “По самым скромным оценкам, для защиты кандидатской диссертации, — отмечают В.Ермоленко и В.Верлока, — украинскому соискателю нужно осуществить 74 шага (некоторые из них могут занять целый день, некоторые — несколько дней, а то и недель), среди которых только 10 занимает написание самой диссертации” [Ермоленко, 2009]. В то же время подобная процедура (по получению ученой степени доктора) во Франции имеет существенные отличия, в частности в том, что ее написание и защита предполагают не 74 (как в Украине), а 28 шагов [Огаркова, 2010]. Таким образом, не рынок (экономических и научных идей), не спрос работодателя на выпускников определенного учебного заведения и не уважение академического сообщества к научным школам, базирующимся в конкретных образовательных институтах, определяют функционирование системы высшего образования в Украине. Государственное планирование, государственный контроль, сертификация и аккредитация, стандарты высшего образования и нормативные документы ВАК — вот ключевые понятия для понимания логики функционирования этой системы, и здесь почти не остается места для таких понятий, как “рынок” или “академическое сообщество”.

В такой специфической и в определенном смысле показательной сфере, как нравственная политика, видим инициативы, вполне вписывающиеся в общий тренд к усилению государственного монополизма. Речь идет о деятельности Национальной экспертной комиссии Украины по вопросам защиты общественной морали, которая должна была быть расформирована в соответствии с анонсированной административной реформой еще в 2010 году, но на деле занимается подготовкой законопроекта, в котором, в частности, речь

идет об усилении государственного контроля за сферой Интернета. Столь же знаковой для сферы нравственной политики является инициатива о необходимости законодательного одобрения “Морального кодекса гражданина Украины” или установление уголовного наказания за “пропаганду гомосексуализма”. Подобным образом касаются моральной сферы и вместе с тем иллюстрируют тенденцию к усилению государственного монополизма законодательные инициативы о налогообложении граждан, которые по достижении определенного возраста остаются бездетными, и о запрете абортов.

Таким образом, после отдельных шагов на пути к дерегуляции экономической, образовательной, культурной сфер и партийно-идеологической плюрализации власти и становления предпосылок подотчетности государства структурам гражданского общества происходят обратные процессы или по крайней мере консервируются черты, свойственные предыдущему этапу. Откуда же берутся эти институциональные особенности? Какие объяснительные модели, апелляции к каким социальным структурам могут адекватно описать упомянутые явления в их взаимосвязи и раскрыть закономерности, скрывающиеся за пестрым калейдоскопом, казалось бы, ничем не связанных событий?

Структурами, которые прямо определяют содержание социального капитала этатизированного общества, являются социальные сети клиентистского типа, для которых характерны иерархичность, ограниченная солидарность и партикуляризм¹. Социальный капитал как одна из форм капитала тяготеет к динамичности и конвертации в другие формы. Государство является главным капиталистом, по выражению П.Бурдьё, который, в частности, устанавливает “курс обмена” разных капиталов и предоставляет возможности для получения еще одной специфической формы капитала: адми-

---

¹ М.Кан, используя несколько отличную от нашей терминологию, отмечает по этому поводу: “Там, где капиталистическая система только возникает и не имеет политической стабильности и высокого уровня легитимности новых институтов, где государство слишком слабо, чтобы установить порядок силой и где гражданскому обществу не удается оказать идеологическую поддержку возникающему капитализму, сети патронажа... оказываются эффективным, хоть и “дорогим”, механизмом поддержания политической стабильности” [Khan, 1996]. Автор подчеркивает слабость государства как предпосылку усиления сетей патронажа. Такое определение лишь на первый взгляд противоположно нашему тезису о государственном монополизме как факторе усиления рентоориентированных социальных сетей. Дело в том, что система государственного монополизма, без сомнения, является социально слабой из-за своей чрезмерной централизованности, чрезмерной перегруженности разнообразными формальными и неформальными барьерами, из-за низкого уровня легитимности и коррозии политических институтов, в которых неформальная составляющая перевешивает формальную, “декоративную” составляющую. Помимо прочего, система государственного монополизма поляризует социум и создает конфликтную структуру, в которой между рантье и неинтегрированными в рентоориентированные социальные сети массами населения накапливается негативизм, отчуждение и недоверие и даже такие чувства, которые можно назвать современным аналогом марксистской классовой ненависти. Помимо этого, дело в интересах финансово-промышленных и политических групп, которым система государственного монополизма позволяет ограничить конкурентность как экономической, так и политической деятельности и укоренить свое доминирование. Таким образом, системы государственного монополизма сильны как репрессивные, “ограничительные” структуры, но слабы как структуры свободного социального развития и творчества.

нистративной и политической ренты¹. То есть государственный монополизм в той его форме, которая утвердилась в украинском обществе, делает возможными инструментализацию широких контрольных и репрессивных механизмов, предоставление селективных преимуществ отдельным экономическим и политическим субъектам, допуск или, наоборот, недопуск их на монополизированный экономический и политический рынок и, в силу этого, получение преимуществ в форме тех или иных ресурсов. Субъектами, которые инструментализируют механизмы государственного монополизма и играют центральную роль в развитии рентоориентированных социальных сетей, являются рантье.

Патогенность описанной структуры, этого институционального инкубуса [Макеев, 2011], возрастает в случае синхронизации иерархической системы рентоориентированных социальных сетей с другими социальными делениями. Речь идет о практиках nepoтизма (протекции для родственников при трудоустройстве на работу в государственные органы или на другие влиятельные должности) и клановости по региональному признаку. Столь же опасно наложение этой структуры на структуры социального неравенства.

Эмпирически центральные капиталогенерирующие структуры можно исследовать с применением так называемых генераторов имен, статусов или позиций (инструментариев исследования личностных социальных сетей) [Vandergaag, 2005]. Распространенным методом сбора первичной информации касательно личностных социальных сетей является генератор позиций. Этот подход предлагают Н. Лин и М. Думин [Lin, Dumin, 1986]. Этот метод измеряет доступ к профессиям членов личностной социальной сети. Профессии рассматриваются как основание для положения в системе престижа в иерархически организованном обществе. Иными словами, использование генератора позиций позволяет изучать сетевое неравенство, определяя, например, уровень сетевого капитала на основе таких показателей, как индекс количества доступных позиций, наивысшая доступная позиция и даже количество доступных позиций. В рамках генератора позиций используют выборку структурных позиций, важных в определенном обществе (профессии, сферы). Применяя генератор позиций, можно выяснить, каков состав социальной сети наиболее и наименее социально успешных респондентов.

Летом 2011 года на базе кафедры социологии и социальной работы Национального университета “Львовская политехника” было проведено социологическое исследование “Социальное пространство города”. По вероятностной многоступенчатой, репрезентативной по полу и возрасту выборке было опрошено 400 жителей Львова. Исходя из перспективы, изложенной

---

¹ Как отмечают авторы публикации с многозначительным названием “Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода”: “Под рентой, в отличие от экономического дохода, имеют в виду часть чистого дохода, полученную в результате деятельности, которая не способствует созданию рыночной стоимости. Типичными источниками ренты являются ... перераспределение при помощи средств насилия (в частности государственного); ограничение свободной конкуренции или монопольный сговор ... поиск ренты (либо рентоориентированная деятельность или поведение) считается вредным, поскольку отвлекает ресурсы и усилия от поиска экономической прибыли, а именно в ходе последней создается экономическая стоимость” [Дубровский и др., 2010: с. 57].

выше, центральная гипотеза исследования формулировалась так: в структуре личностных социальных сетей наиболее социально успешных респондентов значимо большую (по сравнению с менее социально успешными респондентами) долю будут составлять социальные связи с людьми, чей статус (должность, род профессиональной деятельности) дает возможность получать административную ренту. В опросе был использован инновационный инструментарий, являющийся несколько модифицированным генератором позиций — известным, в частности, в американской социологии инструментарием исследования индивидуального социального капитала (см. пример инструментария в табл. 1).

Таблица 1

Пример инструментария исследования личностных социальных сетей

Есть ли в кругу ваших близких друзей (людей, с которыми вы общаетесь не менее раза в неделю)... ?		
... мастера, прорабы, бригадиры	Нет	Да
... рабочие ручного труда	Нет	Да
... ученики, студенты, курсанты, аспиранты	Нет	Да
... депутаты местных советов	Нет	Да
... работники общественных организаций	Нет	Да
... работники учреждений здравоохранения	Нет	Да
... руководители / собственники, заместители руководителя, топ-менеджеры предприятия / учреждения с количеством работников свыше 100 чел.	Нет	Да

С использованием приведенного инструментария были целенаправленно сгруппированы три сегмента в структуре личностных социальных сетей респондентов. Во-первых, сегмент личностных социальных сетей, в который входят социальные связи, являющиеся признаком включенности в потенциально рентоориентированные социальные сети. Во-вторых, сегмент, в который входят социальные связи, являющиеся признаком включенности в сети, связанные с предпринимательской деятельностью. В-третьих, сегмент, в который входят социальные связи, являющиеся признаком включенности в так называемые неспецифические¹ социальные сети (см. табл. 2).

Позитивная взаимосвязь характеристик личностной социальной сети и уровня индивидуального благосостояния была доказана неоднократно на эмпирическом материале разных обществ. Соответственно, можно ожидать, что и украинское общество будет демонстрировать эту закономерность: сетевая бедность (или сетевое богатство) накладывается на другие измерения социального неравенства и, очевидно, находится с ними в сложной двухсторонней взаимосвязи. Детализируя внутреннюю структуру индивидуального социального капитала, целесообразно выделить отдельные сегменты личностных социальных сетей, которые в различной степени свя-

¹ Эти социальные связи являются “неспецифическими” в контексте данной статьи, поскольку не определяются прямо содержанием социальной системы государственного монополизма.

заны с позитивными социальными последствиями, то есть в разной мере позволяют получить доступ к ценным ресурсам. Путем согласования характера взаимосвязи объема социального капитала в отдельных сегментах с показателями индивидуального благосостояния рассмотрим, каков вклад этих сегментов в совокупный социальный капитал человека (см. табл. 3).

Таблица 2

Сгруппированные сегменты личностных социальных сетей жителей Львова (N = 400)

Сегменты личностной социальной сети	Эмпирические показатели, характеризующие степень насыщенности отдельного сегмента личностной социальной сети	α Кронбаха ¹
Социальные связи, являющиеся признаком включенности в потенциально рентоориентированные социальные сети	Наличие (или отсутствие) в близком окружении индивида работников милиции, ГАИ; депутатов местных советов; работников прокуратуры; работников налоговой инспекции; работников городских, областных советов; служащих госаппарата (должностные лица); профессиональных политиков, руководителей и работников органов государственной или местной власти	0,682
Социальные связи, являющиеся признаком включенности в сети, связанные с предпринимательской деятельностью	Наличие в личностной социальной сети работников банков, кредитных союзов; руководителей/собственников, заместителей руководителя, топ-менеджеров предприятия/учреждения с количеством работников более 100 человек; руководителей/собственников, заместителей руководителя, топ-менеджеров предприятия/учреждения с количеством работников менее 100 человек; мелких бизнесменов, индивидуальных предпринимателей	0,554
Социальные связи, являющиеся признаком включенности в неспецифические социальные сети	Наличие в личностной социальной сети рабочих ручного труда; учеников, студентов, курсантов, аспирантов; мастеров, прорабов, бригадиров и т.п.; служащих из числа вспомогательного персонала, секретарей, медсестер, мелких служащих; высококвалифицированных специалистов гуманитарного профиля (в сфере науки, образования, культуры, экономики); высококвалифицированных специалистов технического профиля (инженерных специальностей, специалистов по компьютерной технике и т.п.)	0,638

¹ Для интегрированного показателя, характеризующего степень насыщенности отдельного сегмента личностной социальной сети.

Как видим, один из сегментов индивидуального социального капитала не коррелирует с показателями индивидуального благосостояния. Очевидно, это объясняется тем, что социальные позиции, связи с которыми входят в «неспецифический» сегмент социального капитала, не гарантируют доступа к ценным ресурсам, которые могут существенно повысить социальный статус, способствовать карьерному росту и т.п. А вот два других сегмента дают возможность получать такие ресурсы.

Таблица 3

Матрица парных корреляций показателей индивидуального социального капитала и показателей материального благосостояния индивидов в случае полного исключения пропущенных значений (listwise) (N = 400)

Составляющие индивидуального социального капитала по сегментам личностной социальной сети респондента	Социальные связи, являющиеся признаком включенности в потенциально рентоориентированные социальные сети	Социальные связи, являющиеся признаком включенности в сети, связанные с предпринимательской деятельностью	Социальные связи, являющиеся признаком включенности в неспецифические социальные сети	Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?	Укажите, пожалуйста, Ваш личный среднемесячный доход (в течение года)
Социальные связи, являющиеся признаком включенности в потенциально рентоориентированные социальные сети	1	0,386**	0,108*	0,205**	0,301**
Социальные связи, являющиеся признаком включенности в сети, связанные с предпринимательской деятельностью	0,386**	1	0,326**	0,236**	0,203**
Социальные связи, являющиеся признаком включенности в неспецифические социальные сети	0,108*	0,326**	1	0,009	-0,025
Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?	0,205**	0,236**	0,009	1	0,422**
Укажите, пожалуйста, Ваш личный среднемесячный доход (в течение года)	0,301**	0,203**	-0,025	0,422**	1

* Различие значимо на уровне 0,05

** Различие значимо на уровне 0,01

С целью выявления характера взаимосвязи между индивидуальным благосостоянием и включенностью в потенциально рентоориентированные сети было специально выделено три кластера респондентов (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение средних значений показателей индивидуального социального капитала и прямых и опосредованных показателей материального благосостояния по кластерам, образованным в соответствии со степенью включенности в потенциально рентоориентированные социальные сети

№ кластера и значения принадлежности к нему	Средние баллы по ответам на вопрос:					
	“Укажите Ваш личный средне-месячный доход” ¹	“Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?” ²	Как часто в течение последнего года Вы осуществляли следующие виды деятельности?			
			“...использовали знакомства для решения вопросов, связанных с Вашей работой?” ³	“...использовали знакомства для решения личных вопросов?” ⁴	“...посещали фирменные салоны, магазины известных брендов” ⁵	“...посещали спортивные клубы, бассейны” ⁶
Кластер 1: Низкий уровень включенности в потенциально рентоориентированные сети (<i>n</i> = 211)	1,93**	–	3,91**	3,78*	4,16**	4,22**
Кластер 2: Средний уровень включенности в потенциально рентоориентированные сети (<i>n</i> = 113)	2,34**	2,19	3,6**	3,53*	3,65**	3,63**
Кластер 3: Высокий уровень включенности в потенциально рентоориентированные сети (<i>n</i> = 41)	2,68**	2,45	3,2**	3,18*	3,57**	3,82**

* Различие значимо на уровне 0,01

** Различие значимо на уровне 0,05

1 Респонденту предлагали четырехбалльную шкалу, где “1” означает “менее 1000 грн”, а “4” – “более 4000 грн”.

2 Респонденту предлагали трехбалльную шкалу, где “1” означает “Денег хватает только на самые необходимые продукты и вещи”, а “3” – “Можем позволить себе приобрести почти все, что захотим”.

3 Респонденту предлагали пятибалльную шкалу, где “0” означает “Затрудняюсь ответить”, “1” – “Каждый день”, а “5” – “Никогда”.

4 Респонденту предлагали пятибалльную шкалу, где “0” означает “Затрудняюсь ответить”, “1” – “Каждый день”, а “5” – “Никогда”.

5 Респонденту предлагали пятибалльную шкалу, где “1” означает “Каждый день”, “2” – “1–3 раза в неделю”, “3” – “1–3 раза в месяц”, “4” – “1–3 раза в год”, “5” – “Никогда”.

6 Респонденту предлагали пятибалльную шкалу, где “1” означает “Каждый день”, “2” – “1–3 раза в неделю”, “3” – “1–3 раза в месяц”, “4” – “1–3 раза в год”, “5” – “Никогда”.

Полученные результаты дают основания для следующих выводов. Во-первых, как свидетельствуют результаты многочисленных компаративных исследований, в современной Украине утвердился способ социально-политической организации, являющийся одним из проявлений государственного монополизма. Система государственного монополизма опирается на широкий спектр административных и политических механизмов, которые подобно паутине создают коридоры возможностей и барьеры (как для экономической, так и для политической деятельности).

Во-вторых, исследование социального капитала украинского (и других высокоэтанализированных обществ) следует осуществлять не только в рамках либерально-демократической интерпретации, но и с привлечением работ авторов, которые в большей степени акцентируют роль государственных структур как генератора социального капитала. Нужно учитывать и то, что украинский вариант государственного монополизма далек от этатистского Гегелевого идеала государства как “поступи Бога в мире” (воплощение идеи порядка и системности), являясь, напротив, инструментом доминирования влиятельных финансово-политических групп благодаря поддержке неконкурентной и репрессивной экономической и политической среды.

В-третьих, с сетевой перспективы в высокоэтанализированных обществах социальными сетями, генерирующими социальный капитал, обеспечивающими взаимосвязь государства и социума, легитимирующими политические институты и обеспечивающими относительную эффективность управленческой деятельности, являются ретроориентированные социальные сети. Ключевыми позициями, гарантирующими доступ к ценным ресурсам в таких обществах, являются позиции в структурах государственного аппарата (особенно связанные с возможностью применения регулятивных и репрессивных механизмов). Эти позиции занимают рантье — субъекты, которые инструментализируют механизмы государственного монополизма. Рантье высшего уровня — арбитры — координируют деятельность сети сетей (разумеется, последние в большей мере вовлечены в политическую деятельность, в том числе публичную). Иерархически интегрированные группы рантье тяготеют к синхронизации с другими “ресурсоемкими” социальными образованиями, вплоть до влиятельных финансово-политических групп: таким образом достигается относительное единство “правлящей элиты” и, в определенной степени, более широкий социальный консенсус. Под таким углом зрения ретроориентированные социальные сети — один из устоев специфической легитимности и стабильности политических режимов в системе государственного монополизма.

В-четвертых, эмпирически центральные капиталогенерирующие структуры можно изучать с применением генераторов имен, статусов или позиций (инструментариев исследования личностных социальных сетей). Благодаря этим инструментам у ученого появляется возможность исследовать как меру включенности респондентов в потенциально ретроориентированные сети, так и выявлять гипотетические корреляции с показателями индивидуального благосостояния сетевых бедных и сетевых богатых респондентов (см. табл. 4). Вместе с тем, поскольку речь идет об исследовании иерархических структур и для нас интерес представляют именно те, кто занимает в таких структурах центральные позиции (рантье и арбитры), то возможности массового социологического опроса ограничены. Маловероятно,

что в выборочную совокупность типичного социологического опроса (репрезентативного по отдельным социально-демографическим характеристикам) в действительности попадут влиятельные рантье и центральные участники/координаторы рентоориентированных социальных сетей (арбитры). Доступ к таким респондентам усложнен, поэтому исследователю целесообразно использовать другие (кроме массового опроса) методы сбора информации, в том числе качественные социологические методы.

В-пятых, значительная степень этатизированности украинского общества усложняет возникновение капиталогенерирующих структур, автономных от государства. Существующие структуры не только создают специфический тип социального капитала (что имеет как дисфункциональные, так и функциональные последствия для системы), но и стоят на пути эффективного функционирования альтернативных структур¹. Структуры третьего сектора, неиерархические и добровольные объединения, фактически все формы спонтанной социальной кооперации в определенный момент встречаются со структурами, сгенерированными системой государственного монополизма. Последние имеют существенные преимущества над первыми и благодаря контрольным, регулятивным, репрессивным механизмам государственного монополизма, и из-за большей действенности, эффективности в обеспечении членов социальных сетей полезными ресурсами². Поэтому традицию, основанную Р. Патнемом, а именно акцент на деятельности организаций третьего сектора в исследовании социального капитала, в украинском контексте следует пересмотреть, поскольку общественные организации в украинском и в большинстве других постсоветских социумах маргинализируются, вытесняются в “гетто” академической или околополитической среды³. В то же время заклеить критикой слабый третий сектор в постсоветских странах было бы неправильно и вредно — таким образом критик становится на сторону апологетов сильных капиталогенерирующих

---

1 Рассматривая социальную проблематику, исследователь не должен игнорировать политическую реальность и даже шире — то, что в англоязычной литературе определяют как *institutional and policy framework*. Недавние существенные рестриктивные законодательные инновации в соседних постсоветских странах (Российской Федерации и Беларуси) значительно усложнили функционирование третьего сектора (особенно его части, институционально и финансово ориентированной на Запад).

2 Опять-таки, внимание к политическому измерению открывает новые возможности в прогнозировании динамики социальных процессов. Так, согласно решению Конституционного суда Украины от 13.03.2012 г. государственным служащим и народным депутатам разрешено обладать корпоративными правами, то есть заниматься бизнесом. В итоге ситуация, когда, к примеру, государственный служащий высокого ранга из таможенной службы Украины одновременно является собственником предприятия, занимающегося внешнеэкономической деятельностью, стала реальностью, которую уже нет нужды даже вуалировать. Таким образом через законодательные инновации фиксируется система государственного монополизма и закрытый рынок, а значит — воссоздается система рентоориентированных социальных сетей.

3 Теория социального капитала, в формулировке Р. Патнема, не вполне релевантна в отношении украинской действительности. В то же время как некий социально-политический императив или манифест (каковым является, например, марксистская теория) она оказывается полезным ориентиром, делающим более явственными патогенные структуры украинского социума.

структур, которые как раз и делают невозможным полноценное функционирование третьего сектора.

Наряду с этим внимания требуют мощнейшие капиталогенерирующие структуры — иерархические рентоориентированные сети патронажа, системобразующими позициями в которых являются должности в органах государственной власти, наделенные административными, контрольными, регуляторными и репрессивными полномочиями. Эти структуры, в свою очередь, образуют сеть сетей, которая тоже имеет централизованный иерархический характер, а узловые позиции в ней достаются арбитрам — влиятельным политическим субъектам, которые делегируют субъектам более низкого уровня возможность получать административную ренту в обмен на лояльность и на относительно эффективное выполнение формальных функций, предусмотренных должностью в системе органов государственной власти. Во многих случаях помимо лояльности и выполнения формальных должностных обязанностей арбитр получает часть собранной субъектом ренты.

Внимания требуют и “образования жизненного мира” — неформальные сети родственников, друзей, знакомых и соседей, которые хоть и являются слабой капиталогенерирующей структурой по сравнению с рентоориентированными социальными сетями, без сомнения, гораздо эффективнее генерируют социальный капитал, нежели третий сектор.

Р.Инглегарт считает “коллективные противоэлитарные действия” важной формой социального капитала. Если встать на позицию этого автора, то и коллективное, скоординированное, значительно более систематизированное и упорядоченное *проэлитарное* действие следует признать формой социального капитала (хотя стратегии, тактики и конкретные действия властной элиты могут оказаться ошибочными и вредными в отношении благосостояния социума в целом). Капиталогенерирующие структуры, воспроизводящие эту форму капитала, включают арбитров — субъектов, обладающих административными и политическими полномочиями и организующих деятельность рантье, самих получателей ренты (рантье), субъектов, обладающих экономическим ресурсом (и являющихся плательщиками ренты). Особое значение имеет и такой субъект капиталогенерируемой структуры, как ее “пропагандисты” — те, кто обладает символическим и культурным капиталом и имеет, соответственно, возможность легитимировать и “облагораживать” описанную структуру в публичном дискурсе.

Источники

Бова А. Соціальний капітал українського суспільства / А. Бова // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. — Харків : Вид. центр. Харків. нац. ун-ту, 2003. — С. 69–72.

Б'ючи на сполох — раунд 2: на захист демократії в Україні [Електронний ресурс] : продовження звіту Freedom House. — 2012. — Липень. — Режим доступу : <http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/Ukraine%202012%20Ukrainian%20final.pdf>.

Граммши А. Тюремные тетради : в 3 ч. / Граммши А. — М. : Политиздат, 1991. — Ч. 1. — 559 с.

Дубровский В. Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода / [В. Дубровский, Я. Ширмер, У. Грейвс-третий, Е. Головаха, А. Гарань, Р. Павленко] // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 56–72.

Єрмоленко В. Аналітика: Захист дисертації в Україні: максимум формальностей, мінімум змісту [Електронний ресурс] / В. Єрмоленко, В. Верлока. — 2009. — 29 груд. — Режим доступу : <http://www.eu-edu.org/news/info/397>.

Кремь В.Г. Соціально-політична ситуація в Україні: поступ п'яти років / [В.Г. Кремь, Д.М. Безлюда, В.Д. Бондаренко та ін.]. — К. : Нац. ін-т стратег. досліджень, 1996. — Вип. 2. — 114 с.

Левинсон А. Гражданин, где у вас тут гражданское общество? [Электронный ресурс] / А. Левинсон // Неприкосновенный запас. — 2004. — № 2 (34). — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/lev7.html>.

Макеєв С. Інституційні інкубуси та еволюція суспільств / С. Макеєв // Вісник Львівського національного університету ім. Івана Франка. — 2011. — Вип. 5. — С. 3–10. — (Серія : Соціологічна).

Михайловська О.Г. “Соціальний капітал” як ресурс інститутів громадянського суспільства [Електронний ресурс] / О.Г. Михайловська // Гілея : наук. вісн. — 2010. — Вип. 40. — Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gileya/2010_40/Gileya40/P3_doc.pdf.

Огаркова Т. Аналітика: захист дисертації у Франції — погляд з України [Електронний ресурс] / Т. Огаркова. — 2010. — 25 січ. — Режим доступу : <http://www.eu-edu.org/news/info/412>.

Патнам Р. Творення демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії / Р. Патнам, Р. Нанетті. — К. : Основи, 2001. — 300 с.

Резнік О. Членство у громадських організаціях як кооперативна практика / О. Резнік // Український соціум. — 2009. — № 2 (29). — С. 22–33.

Степаненко В. Соціальний капітал у соціологічній перспективі: теоретико-методологічні аспекти дослідження / В. Степаненко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2004. — № 2. — С. 24–42.

Україна опустилася на 164-те місце в рейтингу економічних свобод [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.radiosvoboda.org/archive/news/20110112/630/630.html?id=2273759>.

Україна перша у світі за кількістю податків // Світовий банк. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://zik.ua/ua/news/2012/03/05/337555>.

Україна заняла 10 место в мире по количеству заключенных [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ru.tsn.ua/ukrayina/ukrayina-zanyala-10-mesto-v-mire-po-kolichestvu-zaklyuchennyh.html>.

Шаповал В. Феномен конституції у контексті вітчизняної політико-правової “міфології” / В. Шаповал // Дзеркало тижня. — 2008. — № 29, 9 серп.

Aberg M. Social Capital and Democratisation: roots of trust in post-communist Poland and Ukraine / M.Aberg, M.Sandberg. — Ashgate: Aldershot, 2003. — P. 348.

Bourdieu P. Acts of resistance: against the new myths of our time / P. Bourdieu. — Cambridge : Polity Press, 1998.

Doner R.F. Rents, Collective Action and Economic Development in Thailand / R.F. Doner, A. Ramsay // M.H. Khan, K.S. Jomo (eds.). Rents and Rent-Seeking. — S.I., 1997. — P. 340.

Dowley K.M. Social Capital, Ethnicity and Support for Democracy in the Post-Communist States / K.M. Dowley, B.D. Silver // Europe-Asia studies. — 2002. — Vol. 54 (4). — P. 505–527.

Dunfee T.W. Is Guanxi Ethical? A Normative Analysis of Doing Business in China / T.W. Dunfee, D.E. Warren // Journal of Business Ethics. — 2001. — Vol. 32 (3). — P. 191–204.

Fan Y. Questioning Guanxi: Definition, Classification and Implications / Y. Fan // International Business Review. — 2002. — Vol. 11 (5). — P. 543–561.

Gambetta D. Mafia: The Price of Distrust / D. Gambetta // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. — S.l.: University of Oxford, 2000. — P. 158–175.

Gold T. Social Connections in China. Institutions, Culture and the Changing Nature of Guanxi / T. Gold, G. Doug, D. Wank. — Cambridge (MA) : Cambridge University Press, 2002. — P. 276.

Jomo K.S. Rent-seeking and the Creation of Efficient Rights: The Malaysian Dilemma / K.S. Jomo, E.T. Gomez // M.H. Khan, K.S. Jomo (eds.). Rents and Rent-Seeking. — S.l., 1997. — P. 340.

Khan M.H. A Typology of Corrupt Transactions In Developing Countries / M.H. Khan // IDS Bulletin: Liberalization and the New Corruption. — 1996. — Vol. 27 (2). — P. 12–21.

Lampe K. Criminally exploitable ties: a network approach to organized crime / K. Lampe // Transnational Organized Crime: Myth Power and Profit. — S.l. : Carolina Academic Press, 2003. — P. 9–22.

Lampe K. Human Capital and Social Capital in Criminal Networks / K. Lampe // Trends in Organized Crime. — 2009. — № 12 (2). — P. 93–100.

Lin N. Access to occupations through social ties / N. Lin, M. Dumin // Social Networks. — 1986. — № 8. — P. 365–385.

Morselli C. Career opportunities and network-based privileges in the Cosa Nostra / C. Morselli // Crime, Law and Social Change. — 2003. — № 39 (4). — P. 383–418.

Portes A. The downside of social capital / A. Portes, P. Landolt // The American Prospect. — 1996. — 26 (May-June). — P. 18–23.

Ravenhill J. Rents, Corruption and Development: Yes, No and Maybe / J. Ravenhill // M.H. Khan, K.S. Jomo (eds.) Rents and Rent-Seeking. — S.l., 1997. — P. 340.

Vandergaag M. The Resource Generator: social capital quantification with concrete items / M. Vandergaag, T. Snijders // Social Networks. — 2005. — Vol. 27, Issue 1. — P. 1–29.